

БОЛЬШИЕ НОГАИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В СЕРЕДИНЕ XVII В.

Торопицын И.В.

Торопицын Илья Васильевич, Астраханский государственный университет, 414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а, Эл. Почта: itoropitsyn@mail.ru

Кавказская тематика занимает особое место в истории России. С Кавказом связаны многие яркие и трагические страницы истории нашего государства. Российское присутствие в этом регионе обозначилось во второй половине XVI в. При этом о каких-либо границах России на Кавказе в период XVI-XVII вв. можно говорить весьма условно, так как границы не обозначались на картах и тем более на местности. Для данного периода времени применительно к Кавказу характерно определение границ в формате признания сопредельными странами неких территорий в качестве сфер влияния того или иного государства. Это могло быть владение какого-либо феодала, вступившего в подданство, территория которого становилась частью государства, и внешний рубеж ее являлся границей уже всей страны. При этом далеко не всегда центральные власти стремились зафиксировать эти границы, а их охрана была фактически уделом местной феодальной знати. В случае если феодал выходил из подданства, а для этого не обязательно было делать это письменно, достаточно было фактически переставать соблюдать условия договоров (шертных грамот), то и контролируемая им территория переставала быть частью государства, хотя центральная власть могла по инерции продолжать считать такое владение сферой своего влияния. Полагаться в таких случаях на то, что граница находится на замке, не приходилось. Даже присутствие опорных пунктов в лице крепостей и острогов не гарантировало полного контроля над обстановкой в районе российской границы на Кавказе. Проникновение через нее было обыденным делом. Подобные коллизии в отношении границы на Кавказе привели в середине XVII в. к серьезному конфликту между Россией с Персией.

Ключевые слова: Россия, Персия, Астрахань, Терек, ногайцы, кумыки, XVII в.

Вступление

В начале 1630-х гг. в Нижнем Поволжье происходят важные политические события. Значительная часть улусов Большой Ногайской орды, переживавшей не лучшие политические и экономические времена, оставляет свои кочевья на луговой стороне Волги, а затем уходит еще дальше на Запад. На решение ногайцев покинуть приволжские степи повлияла не только возросшая угроза со стороны калмыков, которые совершили ряд набегов на них, но и общее недовольство политикой русских властей, которые к тому же не смогли оказать ногайцам действенную помощь в отражении калмыцких нападений, и постоянные конфликты с населением

Астрахани. «Именно с двадцатилетними унижениями и оскорблениями от русских соседей и были во многом связаны как переселение ногаев, – отмечает В.В. Трепавлов, – так и их упорные отказы вернуться на левый берег» Волги (Трепавлов, 2002, стр. 408).

Исход ногайцев из Поволжья выявил серьезные недостатки в системе управления этой пограничной территорией. Но царские власти не собирались терять подданных, поэтому во второй трети XVII в. вновь назначенные астраханские воеводы прилагают энергичные усилия к тому, чтобы собрать под Астраханью представителей Большой Ногайской орды. Царские указы давали астраханским властям широкие полномочия по ведению переговоров с ногайскими мурзами. Им гарантировалось прощение и забвение всех прегрешений со стороны царя в случае принесения повинной, выдачи аманатов и возвращения на прежние кочевья на Нижней Волге. Мурзам была предусмотрена выдача традиционного царского жалованья, для содержания улусов в районе Астрахани выделялись земли и рыболовные угодья, которые мурзы могли сами выбрать из числа свободных территорий. Переговоры увенчались успехом. В 1640 г. многие представители ногайской знати согласились вернуться в российское подданство. При этом часть ногайских мурз во главе с Салтанашем Аксак-Кельмаметевым выговорила для себя условие, что они будут проживать «меж Астрахани и Терка» в бассейне реки Кумы на Северном Кавказе. Численность астраханско-терской, как ее именует В.В. Трепавлов, группировки ногайцев во главе с мурзами Тинмамметевыми и Иштерековыми в данный период составляла около шести тысяч человек (Трепавлов, 2002, стр. 427).

В 1641 г. к улусам Салтанаша Аксак-Кельмаметева на Северном Кавказе присоединилась большая группа ногаев из числа тех, что пришли к Астрахани под руководством кейкувата Янмаммета Тинмамметева. В их числе были родной брат кейкувата мурза Чубар-Мамет Тинмамметев и другие, «и учили те изменники... кочевать с Салтанаш мурзою Аксаковым, – констатировали астраханские власти, – от Астрахани в дву неделях, у Пяти гор» (АИ, 1894, стр. 77-79).

Путем дальнейших переговоров астраханским воеводам удалось убедить Салтанаша-мурзу вернуться в Нижнее Поволжье, но его дядя мурза Чубар-Мамет Тинмамметев откочевал «к Крымскому царю под Азов». В дальнейшем воевода Ф. Телятевский уговорил ногайских мурз, прикочевавших к Астрахани, перейти со своими улусами на левобережную часть Волги. Для этого он помирил их с джетисанскими мурзами Урусовыми и Тинбаевыми. Вскоре к Астрахани вернулись из крымских владений родной брат Салтанаша-мурзы Салтаналы-мурза, а также дети мурзы Чубар-Мамета Тинмамметева и другие мурзы, «а с

ними улусных людей с тысячу». Оказалось, что их «отгромили» Малые ногаи, захватив у них жен, детей и скот.

Начавшийся процесс постепенного возвращения на Нижнюю Волгу ногайских улусов был прерван в 1643 г. новым масштабным калмыцким вторжением, в результате которого ногайцы вновь были разобщены. Часть их улусов вынуждена была присоединиться к калмыкам, другие спаслись бегством на Северный Кавказ. С большим трудом часть Больших ногаев удалось после этого вернуть к Волге. Астраханские воеводы смогли также добиться освобождения и возвращения улусных людей Салтаналы-мурзы Аксак-Кельмаметева и других мурз, захваченных Малыми ногаями (АИ, 1894, стр. 82-86).

Во второй половине 1640-х гг. ногайцы во главе с кейкуватом Янмамметом Тинмамметевым стали кочевать в Мочагах на правобережной (крымской) стороне Волги «от Астарахани во днище и в дву и больши». Другая большая группа ногаев под предводительством мурз Би и Чебана Иштерековых, Карасаина и Каракася Яштерековых стала кочевать «от Астрахани в дальних местах, под Терком» (АИ, 1894, стр. 94). Данное разделение заметно ослабило и без того серьезно подорванные междоусобицами силы Больших ногаев. Их отдельные улусные группы, концентрировавшиеся вокруг влиятельных фигур ногайского общества, в дальнейшем стали самостоятельно определять пути своего развития, которые все дальше отделяли некоторых из них от Нижнего Поволжья.

Методология исследования

В историографии данная тема не получила всестороннего освещения. Ее кратко затрагивал С.М. Соловьев в контексте русско-грузинских отношений XVII в., касаясь претензий российской стороны к персидским властям за прием «русских изменников» и оказание им помощи, высказанных в рамках посольства в Персию в 1653 г. окольного князя И. Лобанова-Ростовского и стольника И. Комынина. Под этими изменниками российскими дипломатами понимался ногайский Чебан-мурза Иштереков, который откочевал от Астрахани на Терек с другими мурзами и «учинился царскому величеству непослушен». С.М. Соловьев приводит краткий рассказ русских послов о действиях Чебана-мурзы, поддержке его со стороны тарковского шамхала Сурхая, военных действиях кумыкских владельцев против русских сил на Кавказе, участии в пограничном конфликте на стороне кумыков персидских отрядов из Шемахи и Дербента, в результате чего был разрушен Сунженский острог (Соловьев, 1991, стр. 540-541).

Е. Зевакин обращался к данной теме в контексте русско-персидского конфликта середины XVII в. Он упоминает о походе в 1651 г. астраханских и терских сил на улус ногайского Чибана-мурзы, дает оценку действиям тарковского шамхала Сурхая, открыто выступившего на стороне ногайцев против царских войск, характеризуя их как измену русскому царю. Однако автор больше концентрирует внимание на роли в событиях середины XVII в. на Кавказе шемахинского хана Хосрова (Зевакин, 1929, стр. 24-31).

А.А. Новосельский исследовал указанную тему в широком контексте русско-татарских отношений, под которыми автор подразумевал взаимоотношения Московского государства с крымскими татарами, а также ногайцами в XVII в. Он приводит большое количество фактического материала, характеризующего обстановку в Поволжье и на Северном Кавказе в 50-70-е гг. XVII в. При этом подробно останавливается на характеристике отдельных этапов взаимоотношений русских властей и ногайцев (Новосельский, 1994, стр. 46-55). Однако автор не воспользовался в полной мере доступным ему архивным материалом, основной упор на изучение и использование которого он сделал, к тому же не стал привлекать опубликованные источники. В результате им были упущены многие важные подробности происходящих событий.

Из современных исследований, рассматривающих события на Кавказе в середине XVII в., можно выделить работу И. Бабулина. Автор критически проанализировал труды своих предшественников, широко использовал опубликованные источники, но не привлекал новые архивные материалы, чем, безусловно, ограничил свои возможности в раскрытии данной темы. Так, рассматривая предпосылки русско-иранского конфликта 1651-1653 гг., автор анализирует политическую позицию тарковского шамхала Сурхая, отмечая, что своим приходом к власти он был обязан персидскому шаху. Затрагивает И. Бабулин и ногайский фактор. Он связывает появление в пределах кумыкских владений ногайцев, откочевавших из астраханских степей, с политикой тарковского шамхала, который, как считает автор, привлекал их на свою сторону «стремясь к усилению своего феодального войска» (Бабулин, 2006, стр. 6-33). В этом контексте русско-кумыкские политические взаимоотношения, тесно связанные с политикой России в отношении Больших ногаев, автор не рассматривает.

Анализ историографии показывает, что целый ряд важных аспектов в истории отношений России с народами на Северном Кавказе в середине XVII в. не были учтены исследователями. Не получила, в частности, должной оценки политическая позиция

тарковского шамхала и других кумыкских владельцев в отношении России, четко обозначившаяся в событиях середины XVII в. Не выявлены причины миграции в район Терека и дальнейшей судьбы Больших ногаев. Не раскрыты детали похода царских войск в 1651 г. против ногайцев мурз Иштерековых. Все эти аспекты делают данную тему весьма актуальной, для изучения которой требуется привлечение первоисточников, как опубликованных, так и архивных.

Формирование на Тереке ногайской улусной группы

В середине XVII в. между обеими группами ногайцев, кочевавших на Нижней Волге и в районе Тереке, установились враждебные отношения. В 1646 г. значительные силы ногайцев и астраханских юртовских татар были задействованы в походе русских воинских сил на Азов под началом князя С.Р. Пожарского (Торопицын, 2016, стр. 123-131). Чебан-мурза Иштереков решил воспользоваться этим обстоятельством, объединился с казыевским (из Малых ногаев) мурзой Девоем и приходил на оставшиеся в Нижнем Поволжье ногайские улусы «войною многожды», захватив большую добычу. Кроме того, ногайцы Чебана-мурзы «сложась с мурзами Малого Ногаю» напали среди ночи на отряд кабардинцев под началом князей Черкасских, направлявшийся для соединения с русским войском под началом князя С.Р. Пожарского, и отогнали у них всех лошадей. Из-за этого ограбленные кабардинцы не смогли поучаствовать в походе царских войск на Азов (КРО, 1957, стр. 272-273).

В ответ на эти нападения ногайцы кейкувата Янмамета Тинмаметева во главе с его сыном Ямгурчеем совершили поход на Терек на улусы мурз Иштерековым и Яштерековых, «и был де у них бой, – сообщалось в отписке астраханских воевод в Москву, – и на бою на обе стороны побиты улусные многие люди». В сражении погибли сын кейкувата Янмамета Тинмаметева Ян-мурза, при этом у мурз Иштерековых их противниками были отогнаны конские табуны (около тысячи лошадей). Особо отличились в этом конфликте астраханские юртовские татары, выступившие на стороне сил кейкувата Янмамета Тинмаметева. По сведениям мурзы Шатемира Иштерекова, в нападении на их улусы участвовало пятьсот юртовских и кирпичных татар разных мурз, улусов и табунов, в частности, люди табунного головы Келимбета Ромазанова и Садея Акимбетова. Несмотря на запрет участвовать в междоусобных ногайских столкновениях, юртовские татары «Государева указу не послушались, на их Иштерековых детей улусы войною с Нагайским Кейкуватом

Янмамет мурзою и с его детьми ходили, и улусы их разорили, и многие их лошади к себе в улусы пригнали».

Попытки астраханских воевод взыскать пограбленное имущество с юртовских татар не увенчались успехом. Посланный к ним юртовский голова Е. Арсентьев рассказал по возвращении, что юртовские и кирпичные мурзы и табунные головы «тех Татар, которые с Кейкуватом и с детьми его ходили на Иштерековых детей войною, в улусех у себя не сказывают и их ухоранивают, а сказывают, будто они поехали из улусов для своих нужд». Поиск по клеймам (тамгам) захваченных лошадей выявил их владельцев, но они утверждали, что купили их на базаре в Астрахани. Вызванный к воеводам для объяснений Ямгурчей-мурза Тинмамметев не отрицал своего участия в набеге на ногайских мурз, кочевавших на Тереке, но объяснил свои действия необходимостью отомстить мурзам Иштерековым и Яштерековым за их неоднократные нападения на своих людей. Дальнейшие поиски лошадей для возвращения их ногайским мурзам на Терек Ямгурчей-мурза намерен был признать за «большое оскорбление». Позиция мурз Тинмамметевых вынудила астраханских воевод отказаться от разбирательства, «чтоб меж их болшия ссоры не учинить» (АИ, 1894, стр. 94-96).

Астраханские власти предприняли шаги к тому, чтобы примирить враждующих ногайских мурз, но не преуспели в этом. В 1649 г. воевода Ф.С. Куракин докладывал в Москву, что ссоры между ногайцами не прекращаются, что инициатором их являются мурзы, кочующие на Тереке, которые совместно с Малыми ногаями посылали своих людей на мурз Тинмамметевых, «и их громили и лошади и животину отогнали многую». Кейкуват Янмамет потребовал от астраханских властей организовать совместный поход на своих противников, обосновавшихся на Тереке, но те отказали ему, сославшись на отсутствие царского указа. Тогда мурзы Тинмамметевы «не истерпя его Чебан мурзы разоренья и обид, пошли на него Чебан мурзу с своими улусными людьми войною». Из Астрахани воеводы посылали к ним посланца с требованием возвратиться обратно, чтобы они своими действиями Чебана-мурзу Иштерекова «от Государские милости не отогнали», но Янмамет-мурза и сыном Ямгурчеем не отказались от своих замыслов мести.

Чебан-мурза, к слову, не был застигнут врасплох. Он отсиделся от нападавших людей мурз Тинмамметевых «в тележном городке» в осаде, а табуны лошадей и скот до их прихода отогнал в «крепкие места». Ногайцы мурз Тинмамметевых стояли под «городком», где укрылся Чебан-мурза, десять дней, после чего вернулись обратно «под Астарахань на прежние свои кочевья», а Чебан-мурза Иштереков со

своими улусами отошел «к морю» в дальние кочевья и стал кочевать по реке Куме. Вернувшийся от Чебана-мурзы сын боярский В. Усов рассказал, что тот не отказывается от своей присяги царю, но боится возвращаться к Астрахани из-за вражды с мурзами Тинмамметевыми. При этом Чебан-мурза отверг предложение вернуть скот, захваченный ранее у ногайцев на Волге. Несмотря на непримиримость позиций участников междоусобного ногайского конфликта, в Москве считали, что шанс уладить конфликт есть. Его участникам необходимо помириться, «и кто что у кого поймал, то б друг другу отдали назад и за те убитые головы меж собою разделались полюбовно» (АИ, 1894, стр. 97-98).

Тем временем у терских воевод родился свой план, как претворить в жизнь царский замысел о примирении враждующих сторон. Он заключался в том, чтобы разобщить силы ногайцев на Тереке и по отдельности перевести их улусы на Нижнюю Волгу. Воевода князь В. Оболенский писал в Астрахань, чтобы воеводы направили на Терек «по челобитью Аксаина мурзы Би-мурзина сына Ищерекова» мурзу Тударыка («Дударыка») с астраханскими ратными людьми. Расчет делался на то, что ногайцы из улуса Би-мурзы Иштерекова, ранее ушедшие на Северный Кавказ к Чебану-мурзе, узнав о том, что против них направляются войска из Астрахани, отстанут от Чебана-мурзы и придут к Тударыку-мурзе и «ко Государевым ратным людям». В свою очередь Аксаин-мурза Иштереков начнет уговаривать самого Чебана-мурзу вернуться к Астрахани. Если уговоры не помогут, то Чебана-мурзу силами астраханских ратных людей можно будет перевести к Астрахани и «вневолю». Терский воевода просил организовать экспедицию по возвращению ногайцев с Северного Кавказа на Нижнюю Волгу как можно скорее, «покаместа Чебан мурза с своими людьми кочует за тремя реками в тесных местех, и им де вскоре уйти будет некуда». В случае если Чебан-мурза перейдет с улусами из-под Тарков на Черкасскую сторону, то воевода В. Оболенский подчеркивал, что он «в нем де чаёт всякого дурна» ((АИ, 1894, стр. 99).

Однако астраханские воеводы не решились самостоятельно организовать военный поход против ногайцев Чебана-мурзы Иштерекова. «Послать де немногих людей опасно, – рассуждали в Астрахани, – чтоб Татаровя Дударыка мурзу заводным делом не отняли и Государевых людей не побили; а многих ратных людей послать, и в Государеве де отчине в Астрахани, за малолюдством, от Калмыцких людей опасно. А только б де Дударыка мурзу и послать на Терек, и Би-мурзины улусные люди чаять его не послушают и к ним на Терек на придут». Астраханские воеводы решили, что Аксаин-

мурза Иштереков приезжал к терским властям с таким предложением для того, чтобы выманить с Нижнего Поволжья Тударыка-мурзу, так как он и раньше заявлял о своем намерении идти кочевать к Астрахани, но не исполнил своих обещаний. К тому же их насторожила информация, поступившая от юртовского табунного головы Келимбета Ромазанова, которой сообщил о переговорах Чебана-мурзы с персидскими властями. Приезжавшие с Терека татары рассказывали астраханскому табунному голове, что Чебан-мурза Иштереков намерен перейти в подданство к персидскому шаху, что он стал кочевать по соседству с владениями тарковского шамхала, «а Сухрай де шевкал, – подчеркнул Келимбет Ромазанов, – в послушанье у Кизылбашского Шаха» (АИ, 1894, стр. 99).

Воеводам и раньше поступала информация о том, что тарковский шамхал нападает на российских подданных. В сентябре 1648 г. в Терскую крепость поступили сведения о готовящемся нападении Сурхая на Андреевскую деревню вместе с «кумыцкими и кизылбашскими ратными людьми». Терский воевода князь В.А. Оболенский направил в Тарки послание, призывавшее «Суркай-шевкала» отказаться от планов нападения на андреевского мурзу Казаналпа, «потому что он, Казаналп, ... государев холоп и аманаты ево в Терском городе есть». Но, несмотря на это предостережение, шамхал Сурхай в октябре того же года напал на кабардинцев: «с ратными людьми пришел изгоном на Казыя-мурзу Мундарова и его, Казыя-мурзу, убил». Терские воеводы вновь были вынуждены высказать владельцу Тарков крайнее неудовольствие этим поступком, подчеркнув, что «то он, шевкал, учинил дурно». Они потребовали, чтобы он «на черкасских и на кумытцких мурз ни на ково не ходил, и их не разорял, и сам за то от... государские милости не отбыл». Но тарковский владелец, видимо, не считал кабардинского князя российским подданным, так как подчеркнул в ответном письме, что он «государеву указу не ослушен и на твоих государевых послушников войною ни на ково не идет», а убийство кабардинского князя Казыя Мундарова объяснил тем, что был с ним в «недружбе» (КРО, 1957, стр. 299). Данный факт достаточно красноречиво характеризует политическую ориентацию тарковского шамхала, который поддерживал отношения и с Россией, и с Персией, но при этом не считал себя связанным какими-либо обязательствами перед обеими сторонами.

Идея агитации ногайских мурз к возвращению в Нижнее Поволжье астраханским воеводам понравилась. Они направили к Чебану-мурзе для переговоров сына боярского Д. Ефимова, а к мурзам Аксаину и к Карасаину «писали особно, чтоб они от Государевы

высокие руки были неотступны, и Чебану б мурзе о том они говорили, и шли б ко Государеве отчине к Астарахани, и с Тинмаметевыми б помирились». С таким же посланием к Чебану-мурзе обратился и Бимурза Иштереков. При этом астраханские воеводы поручили сыну боярскому Д. Ефимову, направленному в ногайские улусы на Терек, «проведывать всякими мерами накрепко, тайно» о переговорах Чебана-мурзы с персидскими властями. Особое внимание рекомендовано было обращать на информацию об обмене подарками между ногайскими мурзами и шемахинским ханом. По их характеру можно было свидетельствовать как о самом факте переговоров, так и о его возможных результатах (АИ, 1894, стр. 99-100).

В марте 1649 г. Чебан-мурза прислал в Астрахань своего посланца О. Токузова, которому поручил сообщить воеводам о местопребывании своих улусов на Северном Кавказе и намерении перейти текущей весной с реки Койсы на Нижнюю Волгу «в Мочаки, на урочище Белый остров». Ногайский мурза заверил астраханских властей в своей преданности царю, а нахождение своих улусов на Северном Кавказе объяснил опасением прихода ни них калмыков и своих противников из числа ногайцев, джетисанцев и юртовцев, «потому что де они в прошлом году, летом, приходили на них войною и в осаде он Чебан мурза от них сидел». Его посланец О. Токузов рассказал также о попытке Чебана-мурзы самостоятельно помириться с мурзами Тинмаметевыми, но Ямгурчей-мурза, которому был адресован «лист», отверг любые предложения на этот предмет: «лист его изодрал, а к нему (Чебану-мурзе. – И.В.) приказывал с угрозою, что ему де с ними не мириваться, а недружбу свою мстить им хочет войною». Факт очередного нападения своих улусных людей на ногайские улусы на Нижней Волге, имевший место зимой 1648-1649 гг., Чебан-мурза не отрицал, но объяснял его тем, что его люди «приходили под Астрахань на Татарские конские и животинные табуны... тайно, без его Чебана ведома», хотя мурза им и запрещал это, но, по его словам, улусные люди «его не слушают, ходят самовольством, утаясь» (АИ, 1894, стр. 100-101).

Подобные объяснения и заверения ногайских мурз власти в Астрахани слышали уже не раз, поэтому, видимо, не особо им верили. Их гораздо больше интересовали переговоры Чебана-мурзы с персидскими властями и разными горскими владельцами. «И они де боярин и воеводы того Чебанова татарина допрашивали: к Тарковскому Суркай шевкалу, и к Ондреевскому Казаналпу, и в Шахову область Чебан мурза для каких дел людей своих посылал ли?» О. Токузов рассказал, что Чебан-мурза действительно перешел через реку Терек и посылал посланцев к тарковскому шамхалу и

андреевскому владельцу Казаналпу с уведомлением, что их улусы вынужденно заняли новые территории, «боясь на себя приходу Калмыцких людей и недругов своих Астараханских мурз и Татар», и просил не совершать против ногайцев враждебных действий. С целью убедить кумыков в своих миролюбивых намерениях Чебан-мурза, по словам О. Токузова, «сговорил» выдать свою дочь замуж на сына тарковского шамхала. Направление ногайских посланцев в Персию О. Токузов отрицал (АИ, 1894, стр. 101).

Факты, полученные астраханскими воеводами, свидетельствовали, что ногайцы Чебана-мурзы продолжали считать себя российскими подданными, но при этом самостоятельно выстраивали отношения с народами, проживавшими на Северном Кавказе, не имея возможности примириться с соплеменниками, обитавшими на Нижней Волге и опасаясь нападений с их стороны. Формально Чебан-мурза контактами с кумыками не нарушал своей присяги царю, так как кумыкские владельцы также считались русскими подданными. Тарковский шамхал Сурхай и андреевский мурза Казаналп Салтамамутов выдавали в знак верности России аманатов в Терскую крепость. Данный социально-политический институт получил широкое применение в XVII в. во взаимоотношениях российских властей с разными народами (Торопицын, 2004, стр. 9-15; Торопицын, 2007, стр. 59-61).

Правда, преданность кумыкской знати была во многом условной, так как их людей нередко обвиняли в убийствах и захвате пленных из числа русских подданных. Как отмечали сами терские жители (стрельцы, казаки, окочены, юртовские татары и другие), кумыкские мурзы чувствовали свою безнаказанность потому, что выдавали в аманаты детей «не от прямых жен, а в дядьках с ними присылают холопей, а не родственных людей и не узденей, и в том де от них Кумыцких владельцев им Терского города Государевым людям чинится обида и теснота большая, и аманатов де они своих отступаются, не переменяют лет по десяти и болша, потому что де они им не дороги, что дети их не прямых жон». Осознание этого факта пришло к русским властям летом 1651 г. Астраханские воеводы направили на Терек астраханского стрелецкого голову Н. Волкова с поручением взять новых аманатов, «чтоб Суркай шевкал и Казаналп мурза тех своих аманатов впредь не отступились, и Терским бы всяких чинов людям, за теми аманаты, убийства и грабежу и полонного взятья и никакого дурна и умышленья им от них не было» (АИ, 1894, стр.160-161).

Тем временем улусы Чебана-мурзы Иштерекова и других мурз Большого ногай стали серьезно дестабилизировать обстановку на

Северном Кавказе. В 1649 г. ногайцы, кочуя вблизи казачьих городков по Тереку, «многих казаков побили и жен их и детей в полон поимали... и животину лошади и коровы их казачью ис подо многих городков отгоняют безпрестанно...». В свою очередь казаки напали на улус Карасаина-мурзы Яштерекова, в котором захватили его жену, несколько десятков пленных и скот. Впоследствии казаки вернули жену Карасаину-мурзе Яштерекову «без окупы», но скот возвратить отказались. После этого мурзы Иштерековы и Яштерековы объединились и попытались взять штурмом казачий городок Сарафанников, но казаки отбились. Нападению ногайцев подвергались и стрельцы. Люди Чебана-мурзы нападали на их заставы и на «промысловых» людей, угоняли лошадей. Мурзы Яштерековы – Зорум Шигимов и Тоган Карасаинов весной 1649 г. приходили во главе своих людей под Астрахань для отгона лошадей у местных жителей (Новосельский, 1994, стр. 47-48; Козлов, 2002, стр. 122-123).

Астраханские власти решили задействовать в переговорах с ногайскими мурзами, кочевавшими на Северном Кавказе, их родственников, оставшихся в Нижнем Поволжье. Летом 1649 г. на Терек был направлен Би-мурза Иштереков, который при посредничестве князя М.С. Черкасского провел в июне-сентябре переговоры с ногайскими мурзами. Ему удалось договориться с Аксаином и Шатемиром Иштерековыми и Карасаином и Каракасаином Яштерековыми о возвращении их со своими улусами под Астрахань. На фоне этих переговоров Чебан-мурза Иштереков демонстративно откочевал во владения тарковского шамхала, «побивая и беря в полон русских ратных людей» (Новосельский, 1994, стр. 48).

В конце осени 1649 г. в переговоры с ногайцами вступили калмыцкие тайши, которые предприняли попытку уговорить Чебана-мурзу Иштерекова присоединиться к их улусам. Калмыцкие владельцы отправили на Терек посольство в сопровождении отряда из 200 калмыков и 300 ногайцев из числа тех, что перешли под их власть. В пути этот отряд вступил в бой с терскими станичниками (Тепкеев, 2012, стр. 190-191). Результаты этого посольства остались неизвестны, но не исключено, что столкновение у Белого озера с российскими подданными могло повлиять на итог калмыцкой посольской миссии.

В условиях военно-политической активности калмыков русские власти направили в сентябре 1649 г. к ним в улусы посольство И.И. Онучина, целью которого были переговоры о судьбе пленных. В ходе них выяснилась позиция калмыцких владельцев в отношении ногайцев. Тайша Дайчин объявил захваченных ногайцев калмыцкими холопами, которые отныне будут кочевать вместе с ними в междуречье Волги и Яика (Тепкеев, 2012, стр. 198-205). В Москве и

Астрахани вынуждены были учитывать эту реальность. В наказе новым астраханским воеводам М.П. Пронскому и Т.Ф. Бутурлину, данном летом 1650 г., указывалось, чтобы Чебана-мурзу с улусными людьми на прежние кочевья под Астрахань не призывать до тех пор, «покаместа Калмыцкие тайши с улусы своими из-под Астарахани, из ближних мест отойдут в прежние далные места свои кочевья за Яик реку». Из Москвы астраханским воеводам приказали послать к ногайским мурзам на Терек посланца с объявлением, что им разрешается временно кочевать в бассейне Терека с выдачей аманатов в Терский городок, «чтоб им от Калмыцких людей какого дурна не учинилось». Переговоры с ногайскими мурзами, остававшимися на Северном Кавказе, астраханским воеводам рекомендовалось возобновить только после ухода калмыков из низовьев Волги. Задача ставилась все та же – вернуть ногайцев на Нижнюю Волгу. При этом подключать к переговорному процессу с Чебаном-мурзой мурз Иштерековых (Би-мурзу и Тударыка-мурзу) Москва категорически запретила. Их по-прежнему приказано было держать в Астрахани на аманатном дворе «с великим береженьем» и никуда не выпускать из Астрахани «без Государеву указу» (АИ, 1894, стр. 129-130).

Для дальнейших переговоров с Чебаном-мурзой об условиях выдачи аманатов и кочевания у Терского городка в конце 1650 г. был направлен из Астрахани И. Доможиров с переводчиком В. Зиновьевским, но они оказались в улусах мурз Иштерековых фактически на положении заложников (Новосельский, 1994, стр. 50-52).

Борьба российских властей за возвращение мурз Большого нагая в Нижнее Поволжье

Зимой 1650-1651 гг. российские власти решились перейти от переговорного процесса к более активным действиям. В начале 1651 г. состоялся поход царских сил против мурз Большого нагая, обосновавшихся на Тереке. Целью похода провозглашалась защита российских владений от «приходу крымских людей и для обереганья нагайского Чебан мурзы Ищерекова с братьями и с племянниками и их улусных людей и чтоб они ис под государевой высокой руки перешед Терек реку в Крым и в Казыевские улусы не ушли». По всей видимости, российские власти полагали, что основная угроза политической ситуации на Северном Кавказе в связи с присутствием там части Больших ногаев исходит от Крыма, а не Персии. Чебану-мурзе Иштерекову российские власти вменяли в вину то, что он «государю учинился непослушен, аманатов на Терек не дал и шерти не подкрепил».

Примечательно, что подобных претензий не выдвигалось в адрес мурз Яштерековых. По всей видимости, это могло быть связано с тем, что к этому времени между мурзами Иштерековыми и Яштерековыми произошел разрыв отношений. Как установил А.А. Новосельский, осенью 1650 г. Чебан-мурза выгнал мурз Карасаина и Каракасаина Яштерековых из своих улусов, а их мать, жен и детей отослал под Астрахань. В этих условиях российские власти могли не опасаться враждебных действий со стороны мурз Яштерековых. Но в отношении Чебана-мурзы упорно ходили слухи, что он намерен откочевать в Крым (Новосельский, 1994, стр. 50).

Астраханские воеводы решили направить в поход стрельцов и тюркских подданных. На Северный Кавказ выступили стрелецкий голова Б. Ермолов во главе своего приказа (3 сотника, 500 стрельцов), а также 1100 ногайцев, джетисанцев и юртовцев под началом мурз Яныбека Тинмаметева, Янмамета Янаева и юртовского табунного головы Келимбета Ромазанова. На Северном Кавказе они должны были действовать совместно с терской ратью под началом князя М.С. Черкасского, основу которой составили терские и черкасские мурзы со своими узденями и улусными людьми.

События, непосредственно связанные с походом на Чебана-мурзу Иштерекова, в историографии описываются весьма фрагментарно, авторы опускают многие важные детали, поэтому архивные источники позволяют существенно дополнить картину происходивших событий.

Так, 3 января 1651 г. астраханская рать перешла реку Терек и соединилась с силами князя М.С. Черкасского. В ночь на 6 января в объединенный лагерь царских войск на реке Яманшта прибыл Карасаин-мурза Яштереков, сообщивший, что Чебан-мурза со своими людьми перешел реку Койсу и расположился на Аксайской степи недалеко от Тарков. В ту же ночь к Чебану-мурзе Иштерекову ушел из лагеря татарин черкасского мурзы Бислана, «и уведав про того беглеца», царские войска сняли лагерь и спешно «пошли на Чебана мурзу». Вечером 8 января они подошли к реке Койсе. Чебан-мурза, в свою очередь, решил перевести свои улусы ближе к Таркам «в перекопь», а сам во главе полусотни воинов со знаменем появился на виду у царских сил на противоположной стороне реки Койсы. Против его отряда сразу же выехали «государевы ратные небольшие люди», которые «перелезли» через реку Койсу, и между противниками завязался бой. Люди Чебана-мурзы стреляли из луков и пищалей «и государевы ратные люди с ними бились». Вскоре ногайцы отступили, «а больших государевых ратных людей за Койсу пустить не смели, –

отмечал стрелецкий голова Б. Ермолов, – потому что стала ночь» (РГАДА, лл. 26-29).

9 января за два часа до рассвета из царского лагеря были пущены за реку Койсу «в разгон» на «Чебановы улусы», которые не успели уйти «за перекоп», отряды прибывших из Астрахани мурз Яныбека Тинмаметева, Янмамета Янаева. Вместе с ними направились в набег люди мурз Карасаина, Каракася и Урака Яштерековых, которые присоединились к царскому войску, отстав от улусов Чебана-мурзы Иштерекова. В общей сложности эти отряды включали 600 человек. С ними пошли в набег уздени и улусные люди князя М.С. Черкасского, с которыми были посланы два стрелецких сотника: А. Остриков и Ф. Никитин. Этим силам удалось захватить солидную добычу – 15 тысяч голов скота, а также 1000 «дымов» улусных людей. При этом нападавшие «побили и взяли в плен» 300 ногайцев из улусов мурз Иштерековых. Пленных впоследствии привели в Терскую крепость. Остальные силы царской рати под началом стрелецкого головы Б. Ермолова и сына князя М.С. Черкасского, а также юртовские татары под началом табунного головы Келимбета Ромазанова и кумыки во главе с Казаналпом Салтамамутовым оставались все это время на противоположной стороне реки Койсы в нескольких верстах «от тарковской перекопи». Принять участие в захвате улусов мурз Иштерековых им не позволила погода – «было ненастье большое и дождь и снегом ружье у государевых ратных людей замокло». В этих условиях идти в наступление было рискованно, отмечал в донесении Б. Ермолов, «государевым бы людям учинилась поруха большая и урон ратный, если бы пошли большим нестроением за ясырем и за животиною, где был мурза з братьями и с улусными своими людьми сидел в перекопи» (РГАДА, лл. 29-30).

Все это время, подчеркнул стрелецкий голова, тарковский шамхал стоял со своими людьми «в перекопи заставою». Царские военачальники вступили с ним в переговоры, направив ему «лист за печатью царства астраханскова». Сурхай затянул переговоры на несколько дней, сославшись на отсутствие у него переводчика. В итоге заявил через своего посланца, что Чебан-мурза Иштереков готов дать аманатов, если из Астрахани отпустят Тударыка-мурзу и жен и детей Би-мурзы Иштерекова и передадут их Чебану-мурзе. Тогда он даст в аманаты своего старшего сына, а также сыновей других мурз Аксаина и Шатемира. А если на ногайцев мурз Иштерековых придут «войною» войска из Астрахани или Терков, то тарковский шамхал «за него Чебана мурзу битца с государевыми людьми станет» и не выдаст его, так как он стал его кунаком. При этом посланец Сурхая передал,

что у шамхала есть приказ от персидского шаха «за него стоять и в обиду его никому не давать» (РГАДА, л. 31).

Объясняя впоследствии российским воеводам свои действия, шамхал писал, что Чебан-мурза убежал на Северный Кавказ, спасаясь от калмыков, «и к нам в Кумыки приехав конаком учинился..., а мы Кумыки искони, от отцов своих, конаков имеем и бережем». Сурхай объяснил, что вынужден был принять ногайцев, так как им негде было жить («тем Нагайцом в Черкасах и в Крыму и в Азове и в Руси места не нет»). Кумыкский владелец утверждал, что даже оказал содействие русским властям и по просьбе терских служилых людей отправил со своим человеком Байрамалыем в Терский городок сына Чебана-мурзы в качества аманата. Но в пути («на половине дороги») они стали свидетелями сражения терской рати с ногайцами, «и тот сын назад убогом прибежал» (АИ, 1894, стр. 162-163).

В конце января царские войска были вынуждены отступить от тарковской «перекопи», но российские власти не отказались от своих планов. К началу февраля все было готово для продолжения похода. Отряд стрелецкого головы Б. Ермолова соединился 13 февраля в районе Царского брода на Северном Кавказе с отрядами стрелецких голов Т. Огибалова и П. Веревкина, направленных из Астрахани на Северный Кавказ. Вместе с ними в тот же день руководители похода направили к андреевскому владельцу Казаналпу Салтамамутову стрелецкого сотника А. Голочалова с «листом татарским письмом за печатью царства астраханского» с призывом идти в поход на улусы Чебана-мурзы Иштерекова. 14 февраля войско достигло реки Аксай. В ту же ночь вернулся сотник А. Голочалов с узденем Салтабагамутом от андреевского владельца, который передал, что Чебан-мурза кочует со своими людьми по реке Койсе и не знает «про приход государевых ратных людей». Мурза Казаналп заверил в готовности присоединиться к походу на ногайцев (РГАДА, л. 33).

15 февраля 1651 г. в Терской крепости были получены сведения от двух астраханских татар, направленных с И. Доможировым в ногайские улусы. Они сообщили, в частности, что ногайцы мурз Иштерековых стали испытывать голод. Чебан-мурза, по их словам, повел своих людей к реке Койсе по кумыкской стороне, а мурзы Аксаин и Шатемир остались в районе Тарков «за перекопью». Разделение сил мурз Иштерековых создавало хорошие предпосылки для захвата ногайских улусов поодиночке. Воеводы решили воспользоваться моментом. Основной удар решено было нанести по улусам Чебана-мурзы Иштерекова. Подойдя 15 февраля к «перекопи», стрелецкие головы выяснили, что Чебан-мурза успел увести своих людей к тарковскому шамхалу за три дня до их прихода. Но им

удалось застигнуть некоторые ногайские улусы «по сю сторону перекопи». Уточнить точное количество захваченного ясыря и скота не представлялось возможным, отмечал Б. Ермолов, так как их «потасили в рознь» кумыки мурзы Казаналпа Салтамамутова, астраханские и терские татары, черкесы и окочены. При этом были «побиты» около 60 ногайцев (РГАДА, лл. 47, 50-51).

Очередное нападение царских сил на ногайцев вынудило тарковского шамхала перейти от дипломатии к более активным действиям. Сурхай не стал отсиживаться в обороне, а «выехав с иными кумыцкими мурзами и с уздени», вступил в бой с «государевыми людьми». В результате произошедшего сражения царские войска, потеряв 15 стрельцов и знаменосца со знаменем, были вынуждены отойти, так как «без государева указа битца с шевкалом не смели» (РГАДА, л. 51). Данный факт со всей очевидностью показывает, каким на самом деле было отношение в России к тарковскому шамхалу, владения которого находились в пограничной области на Северном Кавказе. Если бы его считали в России подданным царя, то непременно наказали бы за вооруженное сопротивление. Однако воевать с ним царские войска не имели права без особого приказа из Москвы. Это говорит о том, что статус тарковского шамхала отличался от статуса обычных российских подданных.

Весной 1651 г. начинается постепенный процесс возвращения ногайских мурз, укrywшиеся в 1640-х гг. на Северном Кавказе. 13 марта в Астрахань вернулся Карасаин-мурза Яштереков с группой из 22 улусных людей. Его племянник Урак-мурза Шигимов остался в Андреевской деревне дожидаться возможности вернуть улусных людей, захваченных Чебаном-мурзой Иштерековым (Новосельский, 1994, стр. 54). В свою очередь мурзы Иштерековы, улусы которых дважды в течение зимы подверглись нападениям со стороны царских войск, вынуждены были уступить давлению российских властей. Астраханский воевода князь М.И. Пронский доложил в Москву, что получил 21 апреля с Терека донесение, что ногайские мурзы Чебан и Шатемир Иштерековы «вину свою тебе государю принесли и аманатов в Терский город» дали, а сами прикочевали к Терскому городку.

Первоначально Чебан-мурза хотел расположить свои улусы на астраханской стороне реки Терек, но местные воеводы и князь М.С. Черкасский не разрешили ему этого сделать. Спустя десять дней в ногайских улусах распространились слухи, которые сеяли люди, приехавшие из улусов князя М.С. Черкасского, что на них идут войною «астраханские ратные люди». Под воздействием этих слухов Чебан-мурза и Шатемир-мурза откочевали из-под Терского городка по

кумыкской стороне в сторону реки Аксай. Чебан-мурза направил в Терки своего человека для выяснения этой информации. Местные воеводы заверили его, что это ложные слухи. Мурзы Иштерековы успокоились, но остались со своими улусами в районе реки Аксай «на кормовых местах» (РГАДА, лл. 17-18).

Спустя 8 дней к ним приехали посланцы тарковского шамхала, передавшие ногайским мурзам приглашение кочевать в его владениях. При этом Сурхай поделился с ними своими планами, передав, что собирается напасть на Терский городок. Его посланцы предупредили ногайских мурз, что если они добровольно не перейдут в Тарковское шамхальство, то Сурхай «на них войною пойдет». Мурзы Иштерековы не поддались на откровенный шантаж и в целях предосторожности перевели свои улусы на терскую сторону реки Аксай, но это не уберегло их от неприятностей. Спустя три дня шамхал Сурхай во главе войска, состоявшего из кумыков, персов и татар, напал на улусы мурз Иштерековых, захватил жен и детей Чебана-мурзы, а также Шатемира-мурзу со всем его семейством и улусными людьми. Чебан-мурза Иштереков во главе отряда в триста человек ускакал к Терскому городку, а войско тарковского шамхала повело захваченные ногайские улусы под Тарки. К Чебану-мурзе Сурхай направил предложение приехать к нему и дать своего сына в аманаты, но тот заявил тарковскому посланцу, что хочет быть под властью русского царя. Не смирившись с потерей улуса, Чебан-мурза ходил к реке Койсе и взял «украдом» со сто своих дворов и перевел их за реку Терек. Он заключил договор с князем М.С. Черкасским и прислал в Терский городок свою жену и дочь, а сам стал кочевать вблизи Терского городка. После этого Чебан-мурза ходил со своими улусными людьми за реку Койсу и захватил тысячу ногайских дворов, но на обратном пути в районе реки Аксай на него напали Каракасай-мурза Яштереков с кумыками владельца Казаналпа Салтамамутова, которые отбили у него около ста дворов и увели под Андреевскую деревню. С остальными улусными людьми Чебан-мурза дошел до реки Терек и стал кочевать в ближних к городу местах вместе с улусами терских мурз. Вскоре улусы Чебана-мурзы и Шатемира-мурзы воссоединились (РГАДА, лл. 19-20).

К этому времени ногайские мурзы Яштерековы оказались в зависимости от кумыкского владельца Казаналпа Салтамамутова, который удерживал их в Андреевской деревне и собирал принадлежавшие им улусы, которые намеревался отправить в Астрахань. «А ныне де их не отпустит за тем, – писали в Астрахань терские воеводы, – что де Чебан-мурза кочует на Кизларе, и он де их

отпустить не смеет, чтоб от Чебана им погрому не учинилось» (РЧО, 1997, стр. 170).

Летом 1651 г. астраханские воеводы решили осуществить переселение ногайцев с Северного Кавказа в Нижнее Поволжье. 18 июня из Астрахани были посланы на Терек конные стрелецкие головы Ф. Огибалов и Д. Нетесев со своими приказами, а также тюркские подданные в количестве одной тысячи человек под началом джетисанских мурз Ислама Алеева и Сююна Енаева, юртовского Эльмурзы Ишмурзина и табунных голов Мансыря Шапаева и Темира Соломатова. Им было приказано вместе с терскими ратными людьми под началом князя М.С. Черкасского принять ногайского Аксаина-мурзу Иштерекова и всех его улусных людей и идти с ними в Астрахань. Мурз Тударыка и Шатемира, а также жен и детей мурз Чебана, Аксаина и Шатемира терские воеводы решили отправить в Астрахань водяным путем (РГАДА, лл. 12).

18 июля переселенцы из улусов Чебана-мурзы, Аксаина-мурзы, Шатемира-мурзы и Тударыка-мурзы, в общей сложности 1862 человека, были приведены к Астрахани. Кроме того, водяным путем из Терской крепости были привезены мурзы Шатемир и Тударык; матери мурз Чебана и Тударыка; три жены Чебана-мурзы, три его дочери и два сына, а также мать, две жены и две дочери мурзы Аксаина; две жены, три сына и две дочери мурзы Шатемира. Ногайцев по приводе разместили на левобережной стороне Волги. Воеводы вызвали в съезжую избу мурз Аксаина и Шатемира и «вины им их выговаривали». Им приказано было кочевать со своими улусами «на нагайской степи от Астрахани в ближних местах». От них были взяты аманаты для содержания в Астрахани «по прежнему по переменам» (РГАДА, лл. 14-16).

Уже в Астрахани со слов прибывших мурз Иштерековых выяснилось, что в Нижнее Поволжье были приведены не все их улусные люди с Северного Кавказа, а лишь треть, как они заявляли, от общего числа ногайцев, а остальных их улусных людей оставили под Терком князь М.С. Черкасский, терские мурзы Тамжахал и Бислан, а также табунный голова Тлев Тугашев. Астраханские воеводы послали за оставшимися ногайцами на Терек письменного голову С. Зелинова «с государевыми служилыми людьми». Терским воеводам вместе с князем М.С. Черкасским было приказано разыскать оставленных на Тереке улусных людей мурз Иштерековых, находившихся в терских улусах и слободах, и прислать их в Астрахань к 1 сентября 1651 г. Это поручение было выполнено. Астраханские воеводы докладывали в Москву, что «всего государь Чебана мурзы з братьями приведено три тысячи семьсот двадцать человек» (РГАДА, лл. 16-17).

Чебан-мурза Иштереков избежал высылки в Астрахань. О нем какое-то время не было никаких известий, но в августе 1651 г. появилась информация, что он через Кабарду и Малый ногай уехал к крымскому хану (Новосельский, 1994, стр. 55). Интересно, что еще в июне 1651 г. шамхал Сурхай сообщил астраханским властям, что Чебан-мурза неоднократно обращался к нему с просьбой проводить его с улусам в Крым, что ногайцы постоянно ездят туда самостоятельно. Кумыкский владелец подчеркнул, что не оказал Чебану-мурзе в том никакой помощи и не позволил самому уехать. «И ныне он видя то, что в Крым себе пути не сыскал, и для того побежал к Русским», – писал тарковский шамхал. Сурхай выразил готовность передать ногайские улусы, находившиеся на Тереке, тому лицу, кого пришлют астраханские воеводы. Он предупредил, что если Чебан-мурза вновь завладеет своими улусами, то непременно уведет их в Крым, поэтому советовал арестовать Чебана-мурзу и доставить его в Астрахань (АИ, 1894, стр. 162-163).

Однако российские власти не отреагировали должным образом на эту информацию. Не исключено, что они не очень доверяли заявлениям тарковского шамхала, даже письменным. Как известно, в этот период времени шамхал Сурхай называл себя в письмах государевым холопом, но при этом прикладывал к своим посланиям печать, заставлявшую усомниться в его искренности. Толмачи беспристрастно фиксировали: «Назади у листа, на концах, вверху и внизу, две печати напечатаны чернилы, а в печатях вырезано: «Шахов холоп Шавкал хан» (АИ, 1894, стр. 163-164). То есть, принося присягу в верности русскому царю, тарковский шамхал заверял ее в качестве подписи печатью, в которой говорилось, что он является персидским подданным.

Выводы

Улусам мурз Иштерековых и Яштерековых не удалось в середине XVII в. прочно обосноваться на Северном Кавказе. На первых порах Чебан-мурза смог договориться с кумыкскими владельцами о совместном проживании ногайцев и кумыков. Тарковский шамхал воспринял Чебана-мурзу в качестве побратима-кунака и не раз демонстрировал способность заступиться за него в ходе конфликтов. Но в дальнейшем между двумя народами начались конфликты на почве ультимативных требований тарковского шамхала к ногайским мурзам выдать ему аманатов и перевести свои улусы в его владения. Ситуация для ногайцев на Северном Кавказе осложнялась также противоречиями, возникшими между мурзами Иштерековыми и Яштерековыми, что привело к расколу терской

улусной группы Больших ногаев на два лагеря. Отсутствие национального единства подрывало позиции ногайцев на Северном Кавказе, облегчало задачу влияния на них российских властей и соседних народов. В итоге улусы Больших ногаев были переведены в 1651 г. российскими силами с Северного Кавказа обратно в Нижнее Поволжье.

Список литературы

- Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею (АИ)* (1894). СПб., Т. 4.
- Бабулин И. (2006). Русско-иранский конфликт 1651-1653. *Рейтар*. М., № 31, стр. 6-33.
- Зевакин Е. (1929). *Азербайджан в начале XVIII века*. Баку: Издание общества исследования и изучения Азербайджана.
- Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. (КРО) (1957). Т. 1. М.: АН СССР.
- Козлов С.А. (2002). *Кавказ в судьбах казачества (XVI-XVIII)*. Изд. второе, испр. и доп. СПб.: Историческая иллюстрация.
- Новосельский А.А. (1994). *Исследования по истории феодализма*. М.: Наука.
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 121. Оп. 1. 1651 г., Ед. хр. 1.
- Русско-чеченские отношения: вторая половина XVI-XVII в. (РЧО) (1997). М.: Восточная литература.
- Соловьев С.М. (1991). *Сочинения. История России с древнейших времен*. Кн. VI. Т. 11-12. М.: Мысль.
- Тепкеев В.Т. (2012). *Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века*. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар».
- Торопицын И.В. (2004). Кавказская политика России (о роли аманатов в жизни народов Северного Кавказа и их взаимоотношениях с российской администрацией). *Сборник тезисов и материалов межрегиональной научной конференции «Специфика ментального самосознания и поведения молодежи Северного Кавказа. 24–26 июня 2004 г.»*. Астрахань, стр. 9–15.
- Торопицын И.В. (2007). Институт аманатства во внутренней и внешней политике России в XVII-XVIII вв. *Кавказский сборник*. М. Т. 4, стр. 59–80.
- Торопицын И.В. (2016). Донская служба астраханских юртовских татар в 1646 году. *Современные тенденции развития науки и технологий: сборник научных трудов по материалам XIX Международной научно-практической конференции г. Белгород*,

31 октября 2016 г.: в 13 ч. / Под общ. ред. Е.П. Ткачевой.
Белгород: ИП Ткачева Е.П., 2016. № 10. Ч. 4, стр. 123–131.
Трепавлов В.В. (2002). *История Ногайской орды*. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.

**THE BIG NOGAI IN THE NORTH CAUCASUS IN THE MIDDLE OF THE
17TH CENTURY**

Toropitsyn I.V.

Toropitsyn Ilya Vasilyevich, Astrakhan state university,
414056, Astrakhan, Russia, Tatishchev St., 20a, E-mail: itoropitsyn@mail.ru

The Caucasian subject holds a specific place in the history of Russia. Many bright and tragic pages of history of our State are connected with the Caucasus. The Russian presence in this region was designated in the second half of the 16th century. At the same time in the Caucasus during the 16-17th centuries it is possible to speak about any borders of Russia very conditionally as borders weren't designated on maps and the more so on the area. Delimitation in a format of recognition by the adjacent countries of certain territories as spheres of influence of this or that state is characteristic of this period of time in relation to the Caucasus. It could be possession of any feudal lord who has entered citizenship which territory became a part of the state and her external boundary was border of already whole country. At the same time not always the central authorities sought to record these borders, and their protection was actually destiny of the local feudal nobility. In case the feudal lord left citizenship, and for this purpose it wasn't obligatory to do it in writing, was actually to cease to meet conditions of contracts (shertny diplomas) enough, then and the territory controlled by him stopped being a part of the state though the central power could continue to consider such possession of the sphere of the influence by inertia. It wasn't necessary to rely in such cases on the fact that the border is locked. Even presence of strong points in the form of fortresses and ostrogs (small forts) didn't guarantee complete control over a situation around the Russian border in the Caucasus. Penetration through it was ordinary business. Similar collisions concerning borders in the Caucasus have brought in the middle of the 17th century to the serious conflict between Russia and Persia.

Keywords: Russia, Persia, Astrakhan, Terek, the Nogais, the Kumyks, 17th century

References

Acts are historical, collected and published by an the arkheograficheskoy commission (AH) (1894). St. Petersburg, T. 4.
Babulin I. (2006). Russian-Iranian conflict 1651-1653. *Reytar*. Moscow, No. 31, p. 6-33.

- Zevakin E. (1929). *Azerbaijan at the beginning of the 18th century*. Baku: Edition of society of a research and studying of Azerbaijan.
- Kabardino-russkiye the relations in the 16-18th centuries (KRO) (1957). T. 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR.
- Kozlov S.A. (2002). *The Caucasus in the fate of the Cossacks (XVI-XVIII). The edition second corrected and added*. St. Petersburg: Historical illustration.
- Novoselskiy A.A. (1994). *Researches on feudalism history*. Moscow: Science.
- Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). F. 121. L. 1. 1651, C. 1.
- Russian-Chechen relations: second half of the 16-17th century (RChO) (1997). Moscow: East literature.
- Solovyov S.M. (1991). *Compositions. History of Russia since the most ancient times*. Book VI. T. 11-12. Moscow: Thought.
- Tepkeev V.T. (2012). *Kalmyks in Northern Prikaspiya in the second third of the 17th century*. Elista: ZAOR «NPP Dzhangar».
- Toropitsyn I.V. (2004). The Caucasian policy of Russia (about a role of amanat in life of the people of the North Caucasus and their relationship with the Russian administration). *Collection of theses and materials of an interregional scientific conference "Specifics of mental consciousness and behavior of youth of the North Caucasus. On June 24-26, 2004"*. Astrakhan, p. 9-15.
- Toropitsyn I.V. (2007). Institute of an amanatstvo in domestic and foreign policy of Russia in the 17-18th centuries. *Caucasian collection*. Moscow. T. 4, p. 59-80.
- Toropitsyn I.V. (2016). The Don service of the Astrakhan Yurt Tatars in 1646. *Current trends of development of science and technologies: the collection of scientific works on materials XIX of the International scientific and practical conference Belgorod, on October 31, 2016: in 13 h / Under a general edition of E.P. Tkachyova*. Belgorod: IP Tkachyova E.P., 2016. No. 10. P. 4, p. 123-131.
- Trepavlov V.V. (2002). *History of the Nogai horde*. Moscow: RAS East Literature book-publishing firm.